
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ «ПОСТ»: ВОЗМОЖНОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

Бахтуридзе З. З.*

Статья посвящена теоретическому осмыслению международных отношений на современном этапе. Подчеркиваются значительные трансформации в области представлений о международных отношениях. В качестве одного из значимых элементов современного мирового политического процесса рассматривается глобализация, представлены полярные мнения по поводу данного феномена и его влияния на мировую политику и международные отношения. Лейтмотивом данной статьи является мысль о необходимости правильного выбора и об ответственности тех, кто должен принимать осознанные решения, а значит, каждого из нас.

Ключевые слова: трансформационные процессы, постсоветское пространство, неореализм, неоидализм, неомарксизм, транснационализм, система международных отношений, глобализация, синергетика.

This article presents the theoretical considerations about contemporary international relations in the present period. It emphasizes the significant transformations of the concepts of international relations. Globalization is considered as one of the most significant elements of contemporary global political processes, and this article presents the opposing views on globalization and its impact on world politics and international relations. It argues in particular about the necessity of good choices and the responsibilities of those who are to make conscious decisions, which is to say, each of us.

Keywords: transformational processes, the post-Soviet territory, neorealism, neoidealism, neomarxism, transnationalism, the system of international relations, globalization, synergetics.

Трансформационные процессы, происходящие в области международных отношений, ведут к поискам новых теоретических обоснований для осмысления политических процессов и явлений.

Всякая теория выполняет как минимум две основные функции. Во-первых, она должна выявить и разъяснить особенности изучаемого объекта, в том числе его структуру; во-вторых, дать прогноз его развития. Что касается объекта исследования, о котором идет речь, то в первую очередь нам придется столкнуться с вполне характерной для сложных феноменов проблемой – проблемой определения. Многочисленные дискуссии и различные подходы демонстрируют отсутствие согласия относительно содержания понятия «международные отношения».

Существует ряд теоретических школ, которые пытались дать свое объяснение и выявить тенденции развития международных отношений. В первую очередь

* Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна – д. п. н., профессор Института специальной педагогики и психологии (г. Санкт-Петербург). E-mail: zeinabb1000@list.ru.

необходимо упомянуть о таком направлении, как реализм, представители которого (Ганс Моргентау, Раймон Арон, Эдуард Карр) выделяют в основе структуры международных отношений национальные государства, отстаивающие свои интересы с помощью силового компонента. Таким образом, международная политика представляется борьбой за власть между государствами, основывающейся на приоритете национальных интересов с целью обеспечения безопасности, выживания и сохранения суверенитета. Реалисты утверждают, что характер взаимодействия государств определяется количеством накопленных ими ресурсов, в которых выражается уровень мощи государства. По мнению Э. Карра, для реалиста «неуместность государственного суверенитета – идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других государств как препятствие для использования своего преобладающего положения» [Карр 2003: 57].

В рамках реализма для самозащиты государство может рассчитывать только на свои силы, отсюда стремление к самодостаточности: разностороннее развитие собственной экономики и военной промышленности, обеспечение контроля над стратегическими ресурсами. К важным чертам реалистического мировоззрения относится убеждение, что международная политика управляется объективными законами, которые носят долгосрочный характер. Поскольку конфликтность международной системы коренится в ее природе, она лишь отчасти сдерживается международным правом, институтами и моральными нормами. Условием мирного сосуществования государств является поддержание равновесия сил, нарушение которого ведет к войне. Возможности эволюционного развития появляются в результате приспособления к новой расстановке сил.

Неореалисты в лице Кеннета Уолтца расширяют традиционное в реализме понимание мощи государства, предлагая истолковывать государственную мощь не только с точки зрения военной силы, а как комбинацию возможностей государства в разных сферах общества (социальной, культурной, экономической, политической). Существование множества государств, которые пытаются реализовать свои собственные интересы при отсутствии признаваемой ими общей системы законов, делает практически неизбежным возникновение конфликта. Как весьма точно подметил К. Уолтц, «государство использует силу, если, оценив перспективы на достижение успеха, выяснит, что желаемые цели более привлекательны, чем спокойствие мирной жизни. Поскольку каждая держава – сама себе высший судья, поскольку любая страна в любое время может применить силу для проведения собственной политики, из-за этого другие страны вынуждены быть постоянно готовы ответить на силу силой или же заплатить за свое спокойствие» [Уолтц 2003: 93]. Исследователь также отмечает, что в кризисных ситуациях попытки обеспечить единодушную поддержку внешней политики чаще всего успешны, так как имеет место убежденность граждан «в зависимости собственной безопасности от безопасности государства» [Там же: 105]. Получается, что единство нации укрепляют противостояния, возникающие в международных отношениях. В связи с вышесказанным К. Уолтц приходит к весьма интересному выводу в духе неореализма: «При этом важно не то, что появляется ненависть между народами разных стран, а то, что страна мобилизует ресурсы, интересы и чувства граждан для реализации военной политики» [Уолтц 2003: 106].

Сторонники идеализма (в частности, Гренивиль Кларк и Луис Б. Сон) убеждены, что государства – не только не единственные, но и не главные междуна-

родные акторы, так как эта роль принадлежит международным организациям. Идеалисты акцентируют внимание на наличии универсальных, общечеловеческих ценностей, интересов, неотъемлемых прав человеческой личности и на необходимости создания всеобъемлющей системы коллективной безопасности в целях сохранения и защиты этих прав. Если реалисты настаивают на том, что основные международные процессы представлены конфликтами, то идеалисты твердят о переговорах и сотрудничестве. Сторонники идеализма верят в создание справедливого международного права, в возможность покончить с войнами и вооруженными конфликтами между государствами путем правового регулирования и демократизации международных отношений. Одна из приоритетных тем идеализма – создание системы коллективной безопасности на основе добровольного разоружения и взаимного отказа от войны как инструмента международной политики. Этому способствует прежде всего экономическое сотрудничество и рост взаимозависимости государств. В политической практике идеализм воплотился в создание Лиги Наций, крах которой не помешал формированию Организации Объединенных Наций, призванной служить делу сохранения всеобщего мира и предупреждению войн.

Неомарксистское направление в лице Й. Галтунга, И. Валлерстайна, Р. Кокса и др. представляет мир в виде глобальной системы многообразных экономик, государств, обществ, идеологий и культур. Неомарксисты утверждают, что государства сегодня превращаются в агентов, пытающихся реализовать в национальных экономиках требования мировой экономики, что необходимо в условиях конкуренции на мировом рынке.

Наконец, сторонники транснационализма (Джозеф С. Най-мл., Роберт О. Кохэн) считают, что на поведение дипломатов и военных оказывают «сильное влияние географические факторы, характер внутренней политики, научный и технический прогресс» [Най-мл., Кохэн 2003: 152]. При этом транснациональные организации могут формировать новое отношение, создавая мифы, символы и нормы для обеспечения легитимности своей деятельности, в результате транснациональных отношений государства становятся зависимыми от сил, не контролируемых ни одним из них [Там же: 160]. В частности, при неравенстве государств транснациональные отношения могут дать преимущества более могущественным государствам... и лишит каких бы то ни было преимуществ и без того слабые страны [Там же: 152]. Не отрицая роли правительств как наиболее важных игроков на политическом поле, авторы отмечают, что «малые и средние государства и даже великие державы в системе баланса сил вынуждены смириться с низким уровнем контроля над внешним миром: они должны согласиться с изменениями, а не изменять силы истории» [Там же: 163].

Как известно, выделяют следующие системы международных отношений:

- Вестфальская система, которая характеризовалась идеей баланса сил;
- Венская система, характеризующаяся идеей «Европейского концерта»;
- Версальско-Вашингтонская система (по результатам Первой мировой войны);
- Ялтинско-Потсдамская система (по результатам Второй мировой войны), ставшая основой биполярного мира.

Исследователи склонны считать Ялтинско-Потсдамскую систему завершившейся в 1991 г. с распадом СССР и прекращением биполярного противостояния, однако нет единства в определении наименования системы международных от-

ношений на нынешнем этапе. Современный период развития цивилизации одни исследователи называют Беловежской эпохой, другие придерживаются названий «эпоха постмодерна», «постбиполярная эпоха», «Post-cold-war era», где само применение приставки «пост-» означает, пожалуй, то, что какие-то другие характеристики пока трудноразличимы. Возможно, здесь обнаруживает себя со всей очевидностью проблема пересмотра норм международного права. Впрочем, то, каким образом в классической истории международных отношений формируются и закрепляются новые правовые нормы, вызывает напряженность, связанную с ожиданием серьезных конфликтов и потрясений.

В отношении тенденций дальнейшего развития, а также характеристик того, что происходит на данном этапе, точки зрения исследователей иногда прямо противоположны. Рассуждая в заданном направлении, говорят о глобализации, об интеграции, о дифференциации; о формировании однополярного, биполярного, многополярного мира. Пожалуй, единственной характеристикой современного этапа, с которой соглашаются все исследователи, является наличие трансформационных процессов и различных кризисов, присутствие которых всегда предшествует формированию новой системы международных отношений, а соответственно появлению новых правил миропорядка.

Венский конгресс по сравнению с дипломатическими процессами раздела постсоветского пространства представляется детской игрой. Впрочем, некоторые тезисы участников Венского конгресса актуальны до сих пор. Очевидно, что развалины империи как тогда, так и сейчас оказались лакомым куском для многих. Ошибки и проблемы прочно заняли свое место в истории дипломатии последних десятилетий, чего нельзя сказать о достижениях и успехах. При условии того, что все стороны прекрасно осознают необходимость диалога и декларируют мирное разрешение любых конфликтных ситуаций, возникают все новые и новые горячие точки вооруженного противостояния, создается впечатление, что мы «слишком напуганы, чтобы воевать, слишком глупы, чтобы договариваться» (Талейран). Не хотелось бы, чтобы этот тезис знаменитого француза оказался актуальным применительно к сегодняшней мировой политике.

Авторы философской методологии исследования проблем мировой политики предлагают вниманию читателей позицию, согласно которой «в современном мире, где чрезвычайно велика тяга к стиранию границ, самым важным стало умение и желание, не отгородившись от остального мира, сохранить свою самобытность» [Васильева, Лагутина 2011: 101]. Данная проблема имеет два диаметрально противоположных решения. С одной стороны, возможен поиск принадлежности через этнос, религию (национальность мы даже не рассматриваем как понятие, изжившее себя и неадекватное современным реалиям), а с другой – усиление гражданской, государственной идентичности. Весьма интересным представляется мнение Н. Саркози, согласно которому через внешнюю политику выражается идентичность нации, внешняя политика может эволюционировать и менять свои формы в новых условиях, но неизменным условием для нее остается отражение интересов нации [Ягья и др. 2009: 133].

Что же представляют собой современные международные отношения? Снижает ли роль национальных государств появление и все более усиливающееся влияние различных негосударственных, надгосударственных организаций и транснациональных корпораций? Глобализация – всего лишь временный феномен

эпохи трансформации мирового политического процесса или же сущностное содержание будущей картины мира?

В рамках данного дискурса высказывались различные точки зрения: о том, что современность представляет собой «промежуточный этап более или менее продолжительной диверсификации этносов, пытающихся достичь идентичности через обособление» (А. С. Панарин); о том, что в условиях глобализации национальные интересы начинают уступать интересам мирового гражданского общества, важными составляющими которых являются права человека, проблемы мира и международной безопасности [Васильева, Лагутина 2011: 94]. Сложно не согласиться с тем, что «важнейшей сферой геополитического противоборства в XXI столетии становится культурно-цивилизационная среда и духовная сфера» [Ивашов 2012: 31]. Исследователи пишут о снижении значимости территории – одного из основополагающих признаков национального государства. Многие также считают, что в решении глобальных проблем современности государства оказались не на высоте, продемонстрировав свою слабость и беспомощность. Широкий философский взгляд на оценку происходящего присутствует у Г. Гачева. Согласно его позиции, национальная разметка так же преходяща, неизбежна, реальна и эфемерна, как все до нее. «Глупо спорить и смешно бороться с тем, что сейчас именно “нация” – мета всего того конкретного, что противостоит реюшему в виртуальных высях глобализму. Борьба происходит на другом уровне – на уровне трактовки самой “нации”» [Гачев].

Известно, что существуют как минимум два подхода к пониманию нации. Согласно одному из них, нация – этническая общность с единым языком и самосознанием. Согласно другому подходу, нация – политическая общность граждан определенного государства. Хочется обратить внимание также и на то, что в терминологии международного права нация является синонимом государства. Именно в этом более широком понимании значения данного термина кроется решение поставленных перед мировым сообществом задач, связанных с уменьшением различного рода национальных конфликтов.

Л. Г. Ивашов делает вывод, что «человечество находится в состоянии мировой войны нового типа, сочетающего в себе обновленные элементы как “холодной”, так и войны с применением вооруженных и специальных сил». Цель таких геополитических операций, по мнению исследователя, – овладение государствами и пространством. В принципе цель классическая, ничего нового, но вот средства гораздо более разнообразны. «На направлении главного удара действуют информационно-психологические, финансовые, политические “войска”, экономические санкции, карательные отряды и трибуналы. Международное право и Устав ООН также превратились в оружие войны» [Ивашов 2012: 31]. Слишком пессимистичная оценка происходящего или отражение суровой реальности, которую мы не хотим замечать? Существует ли вообще закономерная и предсказуемая логика развития международных отношений? Сколько сценариев и поворотов можно предвидеть и описать? Может ли геополитический вызов получить адекватную реакцию?

Существует мнение о том, что геополитический статус цивилизаций и групп государств, динамика их развития, степень внешней и внутренней безопасности, уровень суверенности будут определять «ключевые (стратегически важные) районы мира, стратегические коммуникации, глобальные ресурсы» [Там же: 32].

Несмотря на сложность и неоднозначность оценок, современные международные отношения потенциально многовариантны в своей дальнейшей эволюции, которая основана прежде всего на необходимости реализации национальных интересов (что, собственно, и является логической основой для развития международных отношений) и на влиянии или необходимости учета общих тенденций формирующегося мироустройства. Глобализация, являющаяся одной из подобных тенденций, при этом самой очевидной и узнаваемой, имеет свои внутренние побудительные факторы развития. Глобализация трансформирует содержание национальных интересов государств, лежащих в основе международных отношений, расширяет возможности объединения государств в целях развития, обеспечения безопасности и стабильности. Но создает ли глобализация новую мировую политику? Здесь явно просматриваются две противоположные позиции. Одна из них заключается в том, что государство, его суверенитет и национальные интересы остаются абсолютными непререкаемыми величинами в развитии международных отношений; сторонники другой утверждают, что эпоха государств завершается и на авансцену политической истории выходят различного рода объединения и транснациональные корпорации, бюджет которых нередко превышает бюджет отдельно взятого национального государства.

Приходится констатировать, что прежняя ориентация государств постепенно размывается: ни один национальный интерес не может быть полностью реализован в условиях или рамках односторонней зависимости.

Глобализация, меняющая экономическую, социальную, культурную и информационную среду обитания человека, ведет, с одной стороны, к возрастанию взаимозависимости между странами в реализации их национальных интересов практически во всех измерениях, а с другой – в силу своего многослойного характера к неравномерному развитию мирового сообщества.

Невозможно обойти стороной теорию самоорганизации. Представляется интересным рассмотреть субъекты международных отношений с точки зрения системного подхода. Традиционный подход к управлению сложными системами основывался на представлении о действующей схеме: управляющее воздействие – желаемый результат. Основоположники синергетики отмечают, что на практике многие усилия оказываются тщетными, а иные даже приносят вред, если они противостоят собственным тенденциям саморазвития сложноорганизованных систем. Синергетика со всей очевидностью демонстрирует, что сложноорганизованным системам нельзя просто навязывать пути их развития, скорее необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям развития.

Если принимать за систему целостную совокупность элементов, которые настолько тесно связаны между собой, что данная система выступает по отношению к другим системам и окружающей среде как нечто единое, то вполне очевидно, что государства можно отнести к социально-экономическим системам. Соответственно, они являются «сложными развивающимися системами, и в жизненном цикле этих систем проявляются закономерности, свойственные многомерным системам» [Игнатьев 2012: 242]. Одной из значимых закономерностей является «феномен наличия адаптационного максимума». То есть при наложении ограничений на сложные развивающиеся системы (те, у которых количество переменных больше 6) адаптационные возможности сначала увеличиваются, достигают максимума, а потом начинают убывать, и при продолжении наложения

ограничений система становится жесткой и погибает в потоке перемен окружающей среды. Поэтому сложные развивающиеся системы должны управляться в рамках адапционного максимума, иначе они обречены.

Синергетика свидетельствует также о том, что для сложных систем, как правило, существует несколько альтернативных путей развития. Отсутствие жесткой предопределенности укрепляет надежду на возможность выбора наиболее приемлемого и верного пути. Любопытно, что настоящее состояние системы определяется не только ее прошлым, но и формируется из будущего в соответствии с грядущим порядком, основы которого закладываются сегодня. Синергетика позволяет утверждать, что природа политических кризисов многогранна, а политика как многоуровневая система весьма восприимчива к резонансным явлениям. Согласно утверждениям И. Пригожина, «понимание общих принципов организации эволюционного целого имеет большое значение для выработки правильных подходов к построению сложных социальных, геополитических целостностей, к объединению стран, находящихся на разных уровнях развития, в мировое сообщество» [Пригожин 1989: 18].

Нелинейное развитие самоорганизующихся сложных систем может привести к различным вариантам будущей картины мира, осознание этого вызывает серьезные опасения и отчаянные попытки отвоевать себе место в структуре, не обладая даже информацией о том, каким он будет, этот новый миропорядок. Парадоксально, но в пессимистичности этого вывода коренятся наши надежды на то, что общие цели, пусть даже такие прагматичные, как достижение безопасности, приводят к пониманию необходимости диалога.

Человечество, привнося в жизнь множество революционных изменений, при этом весьма сложно к ним приспособляется. Революция в международных отношениях столь же пагубна, как и в других социальных сферах. Не поддающееся подсчету количество возможных воздействий (с разных позиций) человеческой цивилизации на социальные процессы и явления, в том числе на международные отношения, вызывает обеспокоенность и тревожность. В противовес революционным сдвигам эволюция как естественный процесс включает в себя возможности сохранения адапционного потенциала. Ведь эволюция – процесс, совершающийся сам по себе, как результат взаимодействия множества факторов, которые также подвержены изменениям. В целом эволюция и есть процесс непрерывного возникновения адаптации в целях обеспечения выживания.

По весьма точному наблюдению А. Н. Чумакова, современный глобальный кризис может завершиться «только радикальной трансформацией международных отношений, и даже не перестройкой (перестраивать, собственно, еще нечего), а созданием принципиально новых структур управления глобальным сообществом». При этом, по мнению исследователя, «принципиально то, что сама собой сложившаяся ситуация не разрешится, и если у человечества не достанет воли и разума найти согласованные решения, то, будучи саморегулирующейся системой, жизнь (биосфера) сама все поставит на свои места» [Чумаков 2008: 88–94].

Возможно, человечество допускает огромную ошибку пытаясь выдумать законы геополитики, эволюции международных отношений, вместо того чтобы открывать их для себя, подобно законам физики. В свое время А. Эйнштейн говорил, что политика гораздо сложнее физики. Действительно, законы физики дока-

зумы опытным путем, в то время как никакий политический опыт не дает четких доказательств ввиду многомерности процесса и присутствия человеческого фактора (будь то роль лидеров или иррациональное влияние масс). Пытаясь воздействовать на логику и закономерности развития мирового порядка, человечество губит себя, равно как в попытках воздействовать на природу и окружающий мир. В политике в большей степени, нежели в других сферах, люди становятся заложниками собственных заблуждений, навязываемых средой, конъюнктурой, эпохой. Стоит вспомнить о том, что тезисы о величии и значимости человека привели к последствиям, совершенно противоположным тем, которые ожидали теоретики Просвещения. Логика кризиса, потерянности и разрушения – вот очерченный контур человеческого бытия в современной реальности. Ни гуманизация и демократизация внешней политики и международных отношений, ни идея всеобщего благоденствия и мира не стали духовной основой человеческой цивилизации в контексте эпохи «пост». Сенека сказал, что когда не знаешь, куда идти, ни один ветер не будет попутным, но если знания о пути ошибочны и иллюзорны?

Впрочем, мир таков, каков он есть, а наши представления о нем, какими бы разными они ни были, – всего лишь частные попытки осмысления его бесконечного многообразия.

Литература

Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Философские вопросы науки о мировой политике. Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011.

Гачев Г. Глобальное и национальное: чья возьмет? [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/9/konf-pr.html> (дата обращения: 15.08.2014).

Ивашов Л. Г. Глобальный мир стремится к биполярности // Геополитика и безопасность. 2012. № 1(17). С. 28–33.

Игнатъев М. Б. Об ответственности ученых в современном мире // Проблемы формирования и развития блокового противостояния на Севере Европы и в Балтийском регионе после Второй мировой войны 1939–1945 гг.: мат-лы круглого стола ЗВО, Ин-т воен. истории ВАГШ ВС РФ. СПб. : Политика-сервис, 2012. С. 237–256.

Карр Э. Х. Двадцать лет кризиса: 1919–1939. Введение в изучение международных отношений // Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2003. С. 53–68.

Най-мл. Д. С., Кохэн Р. О. Транснациональные отношения и мировая политика // Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М. : Гардарики, 2003. С. 152–167.

Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3–19.

Уолтц К. Н. Человек, государство и война: теоретический анализ // Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М. : Гардарики, 2003. С. 93–110.

Чумаков А. Н. Современный мир: на пороге фундаментальных трансформаций // Век глобализации. 2008. № 2. С. 88–94.

Ягья В. С., Чернов И. В., Блинова Н. В. Лингвистическое измерение мировой политики. СПб., 2009.